

КОНСТИТУЦИОННОСТЬ, КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ, КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Раханова Н. А.

Понятие конституционности, используемое при характеристике государственного устройства и правопорядка (конституционность как правовой принцип и режим [1, с. 58]), базируется на принципах верховенства и прямого действия конституции, представленной, как правило, в идеальном смысле – воплощением основных законов функционирования правового государства, ядром которого являются ценности, именуемые общечеловеческими (свобода, равенство, справедливость). С точки зрения анализируемого подхода конституционность находится в неразрывной связи с актуальной в современных государственно-правовых исследованиях **доктриной конституционализма** как исторически сформированной системой идей о конституционном государстве, реализованной в законодательстве, юридической практике и правосознании.

Определение конституционности через концепцию конституционализма позволяет определить минимальный перечень классических категорий и принципов, свойственных европейской цивилизации и обусловленных историческими закономерностями ее развития. В таком случае выводы о конституционности того или иного явления государственно-правовой жизни будут базироваться на критериях их соответствия не столько тексту конституции, сколько степени реализации образцовых принципов конституционализма.

Однако следует принимать во внимание следующие обстоятельства:

1) идеальной конституционной модели в действительности существовать не может как ничего идеального в принципе, поэтому оценка конституционности того или иного государственно-правового явления будет зависеть от условий и направления развития конституционализма в конкретном государстве;

2) следует помнить о высокой степени абстрактности указанных признаков и соответственно возможности варьирования содержания самого понятия конституционности;

3) сама категория конституционности может оказаться неактуальной в рамках конкретной правовой системы.

Конституционализм, в каком аспекте он бы ни рассматривался, является идеальной моделью, однако, преломляясь (даже в рамках западной правовой традиции) через особенности правовой системы конкретного государства и эпохи существования, всегда носит выраженный исторический и национальный характер. Проводя исследование в области конституционного права определенного государства, необходимо оставаться в национальной системе ценностей, предварительно эти ценности определив. Видимо, не суждено сбыться наиболее оптимистичным прогнозам [2, с. 28] относительно развития идей конституционализма, предвещавших формирование не только европейского, но, в конечном счете, и общепланетарного правового пространства, увенчать которое могла бы мировая конституция, вобравшая все основополагающие общецивилизационные цен-

ности – от рыночных отношений в экономике до парламентаризма и разделения властей в государственно-правовой сфере, которые непременно должны быть заложены в «платформу» любой конституционной системы.

В рассмотренном контексте выявление конституционности реализуемо преимущественно на стадии разработки текста конституции: именно тогда в наибольшей степени актуальны споры о нормативном наполнении концептуальных принципов конституционализма и формировании основ конституционного строя на фундаменте исторически сформировавшихся государственно-правовых традиций.

Правовой режим, основанный на соблюдении и исполнении норм, содержащихся в действующей Конституции и иных конституционно-правовых актах, большинством юридических энциклопедических словарей и справочников определяется словосочетанием «**конституционная законность**» [3, с. 305; 4, с. 81; 5, с. 251], хотя почти в равной степени авторами применительно к данному понятию используется и термин «конституционность» [6, с. 330; 5, с. 252]. Ключевым является устойчивый акцент на необходимости неукоснительного соблюдения и исполнения в первую очередь позитивного конституционного права.

Возражение в данном случае вызывает только использование при определении соответствующего режима в качестве единственных форм реализации конституционно-правовых норм соблюдения и исполнения (или только соблюдения), поскольку это не в полной мере отражает современные общетеоретические подходы к структурированию процесса воплощения правовых норм: по характеру правореализующих действий в нем традиционно выделяются четыре формы – соблюдение, исполнение, использование и применение правовых норм [7, с. 708]. По этой причине режим конституционной законности должен предполагать не только реализацию запрещающих (соблюдение) и обязывающих (исполнение) конституционно-правовых норм, но и активное осуществление предоставляемых ими прав (использование), а также правоприменительную деятельность специально уполномоченных субъектов.

Позитивистским пониманием конституционной законности не следует пренебрегать, поскольку расширение его до уровня «правозаконности» [8, с. 193], ставшее следствием известного спора о соответствии «духа» и «буквы» закона, ведет к более абстрактному уровню исследования – теории конституционализма. Справедливо мнение Ю.А. Тихомирова, о том, что подход, при котором общие правовые принципы и фундаментальные права и свободы человека как бы заменяют нормативную основу законности... чреват недооценкой нормативных регуляторов поведения [9, с. 68].

С такой точки зрения, например, А.А. Белкиным понятие конституционности связывается со специфической функцией публичных органов (а в перспективе и общественных структур) [10, с. 142], обеспечивающих правовую охрану **писаной конституции** (выделено мной – *Н. Р.*): реализацию и защиту конституционных положений, закрепление и воплощение провозглашенных ею принципов. По мнению А.А. Белкина [11, с. 163], в нормальном, а не реформационном (революционном) режиме, характерной особенностью правопорядка будет являться

стабильная деятельность публичных структур по реализации конституционных положений («переводу» их в фактическое состояние) и пресечению отклонений от «нормальной» реализации конституции.

И такой подход является практически важным, поскольку именно положения (текст) писаной конституции является правовой основой, отражающей характер государственно-общественных отношений и предопределяющей направление их развития, поскольку, например, для процесса развития белорусской государственности характерно перманентное пограничное состояние, несформированность устойчивых конституционно-правовых традиций, поэтому преимущественным является использование писаной конституции и необходимость уважительного к ней отношения.

Уже упоминаемый британский конституционализм действительно не нуждается в писаной конституции: подавляющее большинство англичан убеждено, что ограничение или отмена конституционного строя невозможны. По мнению А. Шайо, в Великобритании «реализация власти основана на доверии, на заразителем доверии [...]. Эта политическая система, в основе которой лежат доверие и уверенность в соблюдении конвенций, не может работать в иных местах — это было бы опасно для жизни» [12, с. 25].

Таким образом, в широком смысле **конституционность** понимается как **правовой режим практической реализации (воплощения в фактической деятельности субъектов конституционно-правовых отношений) идей конституционализма и закрепляющих их норм конституционного законодательства**, и одновременно – **базовый правовой принцип** соответствующего режима. С этой точки зрения обеспечить конституционность – значит создать систему правовых гарантий реализации конституционных норм.

В то же время приходится признавать, что использование термина «конституционность» в таком понимании лишает его собственного смыслового содержания, поскольку приводит к смешению либо с понятием конституционализма, либо с понятием конституционной законности. Представляется, что наиболее уместным является использование понятия «**конституционность**» в формально-юридическом смысле как **техничко-юридического свойства правового акта (в том числе действия), отражающего определенное его (акта) соотношение с нормами Основного Закона.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.) / Н.В. Витрук. – М.: Городец-издат, 2001. – 507 с.
2. Зиновьев, А.В. Конституционность как барометр правовой культуры и основа правового государства / А.В. Зиновьев // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 81 – 96.
3. Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. и рук. авт. колл. С.А. Авакьян. – М.: Изд-во «НОРМА» (Издат. гр. «НОРМА – ИНФРА·М»), 2000. – 688 с.

4. Белорусская юридическая энциклопедия: в 4-х т. Т. 2: К – О / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ, 2009. – 584 с.
5. Барихин, А.Б. Большой юридический словарь / А.Б. Барихин. – М.: Книжный мир, 2005. – 720 с.
6. Большой юридический словарь. – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. А.Я. Сухарева. – М.: Инфра-М, 2008. – VI, 858 с.
7. Общая теория государства и права: академ. курс: в 3-х т. Т. 2. Право / отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 816 с.
8. Общая теория права: академ. курс: в 3-х т. Т. 3: Государство, право, общество / отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 712 с.
9. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право / Ю.А. Тихомиров. – М.: Юстицинформцентр (Изд-во М.Ю. Тихомирова), 2003. – 393 с.
10. Белкин, А.А. Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики / А.А. Белкин. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. – 144 с.
11. Белкин, А.А. Конституционность и публичная власть / А.А. Белкин // Избранные работы 90-х годов по конституционному праву / А.А. Белкин. – СПб.: Юрид. центр пресс, 2003. – С. 159 – 172.
12. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): пер. с венг. / А. Шайо. – М.: Юристь, 2001. – 292 с.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Скоруход И. Г.

Конституция юридически закрепляет содержание социальной свободы в экономической, политической, нравственной сферах жизни различными по материальному содержанию и социальному назначению правами, свободами и обязанностями. Следовательно, и различные проявления свободы личности – экономическая, политическая, личная. Этим и обусловлена необходимость классификации конституционных обязанностей, их типология в соответствии с объективной реальностью построения демократического, социального, правового государства как закреплено в статье 1 Конституции Республики Беларусь [1]. Классификация обязанностей, наравне с правами, будет иметь не только познавательный характер, но будет являться важнейшим практическим и правоприменительным элементом всей правовой системы демократического государства.

Проблема классификации конституционных обязанностей является частным вопросом по отношению к конституционно-правовому статусу личности и абсолютно не сводится лишь к одной номинальной типологии. Проблема намного шире и преследует цель установления познания сущности обязанностей, их правового происхождения и исторического развития этого явления, необходимости выявления их внутренних взаимосвязей в практическом нормировании взаимоотношений между личностью и государством. При этом следует отметить, что конституционные обязанности не образуют замкнутой системы, так как являют-